

Се Дуншэн нёс Сюй Чжи на спине во двор, ополоснул его конечности у колодца, а затем отнёс обратно в дальнюю комнату.

На Сюй Чжи была мокрая и грязная одежда. Дуншэн огляделся в комнате и в конце концов посадил его на скамейку.

– Сторонись, я поищу одежду.

Сначала он переоделся в сухую одежду сам, а затем достал из шкафа другой комплект и протянул Сюй Чжи.

Сюй Чжи посмотрел на вещи перед собой и не удержался, чтобы не напомнить:

– Нужно мыться.

Дуншэн ответил:

– Помоешься после ужина, переодевайся сам, а мне нужно идти готовить.

Он положил одежду на стоящую рядом низкую тумбочку.

Затем взял таз, поставил перед Сюй Чжи и наказал:

– Сними грязную одежду и сложи сюда.

С этими словами он молча отправился на кухню.

Вся одежда Сюй Чжи промокла и намертво прилипла к телу, так что снять её оказалось невероятно трудно.

Он сидел на скамейке и провозился добрую половину дня, прежде чем смог стянуть с себя вещи.

Дуншэн принёс ему только верхнюю одежду и штаны, забыв про нижнее белье.

Не найдя нижнего белья, Сюй Чжи просто натянул штаны.

Он просунул ноги в штанины, встал, подтянул штаны, но стоило ему разжать руки, как те тут же сползли вниз.

Он снова поднял их, но стоило ослабить хватку, как они опять упали.

После нескольких таких попыток терпение Сюй Чжи наконец лопнуло, и он в гневе просто сорвал штаны и швырнул их на кровать.

Закончив готовить, Дуншэн вернулся в комнату и увидел, что тот сидит на скамейке совершенно голый и смотрит перед собой пустым взглядом.

Он замер на пороге и смущенно спросил:

- Почему ты не оделся?

Сюй Чжи указал на штаны на кровати и произнес:

- Они падают.

Дуншэн не сразу понял, что тот имеет в виду, решив, что Сюй Чжи просто не умеет одеваться.

Он взял с тумбочки кофту, встряхнул её и сказал Сюй Чжи:

- Просунь руки в рукава.

Сюй Чжи поднял на него взгляд и просунул руки в рукава.

Дуншэн поправил воротник и застегнул пуговицы.

Затем он взял штаны с кровати и, присев на корточки перед ним, скомандовал:

- Просунь ноги.

Сюй Чжи оттолкнул его руки и заявил:

- Не буду надевать это, они упадут.

Дуншэн взял штаны за пояс и прикинул размер по талии Сюй Чжи: она действительно оказалась намного шире, неудивительно, что тот не хотел их надевать.

Даже если натянуть их, они бы всё равно не удержались.

В доме не было ремня, придётся потом поискать какую-нибудь верёвку, чтобы подвязать их.

Впрочем, уже стемнело, да и всё равно никто не увидит.

Он положил штаны на тумбочку и сказал Сюй Чжи:

– Ладно, давай сначала поужинаем, а после еды что-нибудь придумаем.

Сюй Чжи так и остался в одной длинной кофте, шлепая стоптанными рабочими ботинками, и послушно последовал за ним к обеденному столу, где уселся на стул.

Дуншэн положил ложку в его пиалу с кашей и сказал:

– Ешь сам.

Сюй Чжи бросил взгляд на рисовую кашу и соленья, а затем спросил Дуншэна:

– А где яйца?

Дуншэн на мгновение растерялся, беспомощно улыбнулся и ответил:

– Яйца поедим завтра.

Сюй Чжи поджал губы, взял ложку и принялся за кашу.

Увидев, как Дуншэн с аппетитом откусывает паровой пампушку вприкуску с соленьями, он тоже захотел попробовать.

Он зачерпнул ложкой побольше солений и отправил прямо в рот.

Дуншэн попытался остановить его, но было уже поздно.

Сюй Чжи пару раз жухнул, и во рту мгновенно распространился невыносимо соленый вкус.

Его лицо тут же искривилось от отвращения, а к горлу подступила кислая тошнота.

– Кхе-э...

Дуншэн торопливо отложил палочки и подставил ладонь к его рту:

- Выплывай.

Сюй Чжи выплюнул соленья ему на ладонь.

Выдавленная слюна потянулась тонкой серебристой нитью, и он не удержался, пару раз презрительно сплюнув.

Закончив плевать, он пощёлкал языком — во рту всё еще оставалось солоновато.

Удерживая в ладони выплюнутые соленья, Дуншэн вышел к курятнику.

Куры, завидев его и решив, что принесли что-то вкусное, тут же обступили со всех сторон.

Он вывалил соленья в кормушку, а затем вымыл руки у колодца.

Вернувшись в главную комнату и увидев, что Сюй Чжи всё еще держит рот приоткрытым, он сказал:

- Выпей каши, станет лучше?

Сюй Чжи сделал пару глотков, и соленость во рту действительно заметно уменьшилась.

Дуншэн разломил пополам паровой пампушку, зажал внутри немного солений и протянул ему:

- Если есть так, солено не будет.

Сюй Чжи помедлил, сначала откусил прямо с его руки и, решив, что вполне съедобно, забрал пампушку целиком.

Видимо, он сильно проголодался, потому что умял и кашу, и пампушку до конца.

Когда пришло время мыть посуду, Сюй Чжи ухватился за колонку и сказал Дуншэну:

- Я буду качать, я сам накачаю воды.

Дуншэн не стал возражать и позволил ему качать воду.

Они работали слаженно: один мыл посуду, другой качал воду.

Закончив с посудой, Дуншэн принес сменную одежду Сюй Чжи, чтобы постирать её.

Наблюдая за тем, как тот стирает, Сюй Чжи снова не удержался и напомнил:

- Нужно мыться.

Терев белье, Дуншэн ответил ему:

- Я не забыл. Как только закончу стирку, искупаю тебя, хорошо?

Сюй Чжи кивнул:

- Угу.

К тому моменту, как стирка была закончена, Сюй Чжи устал настолько, что ему уже не хотелось шевелиться.

Качать воду оказалось ужасно утомительно!

Дуншэн развесил вещи на бельевой веревке и с тазом для белья направился на кухню.

Он перелил всю теплую воду из котла в таз, вынес его к колодцу и плеснул туда немного холодной воды.

Окунув руку, он проверил температуру — получилось в самый раз, ни холодно и ни горячко.

- Чжи-Чжи, иди в комнату, снимай одежду и иди мыться.

Услышав, что наконец-то можно помыться, Сюй Чжи радостно вбежал в комнату, скинул одежду на кровать и выбежал обратно.

В доме у Дуншэна не было специально отведенного места для мытья.

В жару можно было просто сполости водой из колодца прямо во дворе.

Зимой же подогревали немного воды и протирались в дальней комнате.

Опасаясь, что Сюй Чжи не привык к холодной воде, он специально подогрел для него немного горячей.

Стоять на корточках во время мытья было неудобно, поэтому Дуншэн сходил в дом и вынес две скамейки.

Усевшись на одну из них, он указал Сюй Чжи на другую и велел:

– Садись.

Сюй Чжи покачал головой, указал на таз с водой и мягким, детским голоском произнес:

– Мыться в тазу.

– ...

Дуншэн вздохнул, взял его за руку и ласково уговорил:

– Сначала садись, я помою тебе голову, а когда закончу, сядешь в таз, договорились?

– О ладно...

Сюй Чжи послушно устроился на скамейке и уставился на Дуншэна.

– Опusti голову.

Стоило ему наклониться, как густые черные волосы рассыпались по плечам.

Расчески в доме не нашлось, так что Дуншэну пришлось аккуратно разбирать их пальцами.

Причесав шевелюру, он смочил полотенце теплой водой и стал поливать ему голову.

Брызги полетели во все стороны, обдав Дуншэна с ног до головы.

Тогда он просто скинул собственную одежду — в конце концов, ему ведь тоже предстояло мыться.

Наступала ночь, вокруг постепенно сгущались сумерки.

Сюй Чжи сидел на маленькой скамейке, опустив голову, а струйки теплой воды стекали с его затылка по прядям волос прямо на землю.

Он моргнул, и сквозь влажные пряди его взгляд упал на такую картину, от которой у него непроизвольно вспыхнули щеки.

Не успел он толком растеряться перед лицом незнакомых чувств, как услышал голос Дуншэна:

– Всё, поднимай голову.

Сюй Чжи поднял голову, мокрые пряди липли к лицу, доставляя легкий дискомфорт.

Дуншэн отжал полотенце и аккуратно вытер ему лицо.

Затем он запустил пальцы в его волосы и стал бережно отводить их назад.

Сюй Чжи завороченно смотрел снизу вверх на лицо Дуншэна, и странное волнение в его груди разгоралось с новой силой.

Он даже позабыл о том, что собирался сидеть в тазу.

Так он и сидел на маленькой скамейке, полностью доверившись рукам Дуншэна, который продолжал обмывать его влажным полотенцем.

Торговцы людьми перед уходом не обмолвились ни единым словом, и было неизвестно, когда они заявятся снова.

Се Вэй опасался, что Сюй Чжи действительно притворяется дурачком, и если тот вдруг сбежит в милицию, возникнут большие проблемы.

В их деревне жен покупали многие, и если нагрянет милиция, даже трудно представить, какой переполох здесь начнется!

Поразмыслив так и эдак, он всё равно не чувствовал себя спокойно, поэтому решил лично заглянуть туда и всё проверить.

После ужина у него выдалось свободное время, и он бесцельно побрел к дому Дуншэна.

Ворота двора не запирались на замок и были приоткрыты, оставляя узкую щель.

Он приблизился и заглянул внутрь, отчего его зрачки резко сузились.

Кожа Сюй Чжи в сиянии лунного света отливала матовым, жемчужным блеском.

Он послушно сидел на скамейке, позволяя делать с собой всё, что угодно, словно какая-то живая кукла.

Се Вэй сглотнул слюну.

В его голове промелькнула грязная мысль.

<http://bllate.org/book/22446/2358920>